

НИКОЛАЙ СКИБА

УКРОТЫТЕЛЬ

Николай Скиба

**Укротитель. Зверолов
с Юга. Книга 5**

«Автор»

2026

Скиба Н.

Укротитель. Зверолов с Юга. Книга 5 / Н. Скиба — «Автор»,
2026

Новые главы будут выходить понедельник-среда-пятница. Двадцать лет работы с хищниками научили меня - они не прощают суеты. Я погиб в огне, голыми руками вырывая тигра из заклинившей клетки. А очнулся на социальном дне чужого мира, в теле Зверолова по имени Рик. Мой новый дом — «Яма», грязный питомник магических монстров. Местные псевдо-укротители лишь калечат тварей кнутами, превращая их в тупой утиль. Там, где они видят безумного демона из Раскола, я вижу удивительное создание, которое нужно обуздать. Я покажу местной "элите", что такое опыт настоящего укротителя. А для начала — просто монетизирую их мусор, выбью себе свободу и заберу власть в "Яме".

© Скиба Н., 2026

© Автор, 2026

Николай Скиба

Укротитель. Зверолов с Юга. Книга 5

Глава 1

Остриё меча замерло в ладони от моей груди.

Артемис держал клинок на вытянутой руке, и он даже не покачивался — выучку было видно с первого взгляда. Мы стояли посреди тракта, в десятке шагов от распахнутых ворот Соляного. Утро только начиналось — над кухней ещё тянулся дым, а возчик с кормом так и замер возле своей груженной телеги, вылупившись на происходящее.

— Рик, смотритель двора «Соляной»! — Голос прозвучал на весь двор. — За оскорбление чести клана Гребня я вызываю тебя на дуэль по древним законам Юга! Отказ приму как признание вины.

Виверна за его спиной переступала с лапы на лапу. С нашей первой встречи Ветка набрала в кости, шея потяжелела, перепонки крыльев отливали тёмной бронзой. Я рефлексивно проверил её задние лапы — суставы сухие, стоит ровно. Требуху в рацион он всё-таки ввёл.

Посоветовал себе на зло...

Выходит, Артемис послушал. А теперь тычет в меня железом.

За моей спиной хлопнула дверь, по двору затопали. Люди стягивались к створкам, и я слышал, как Шип вполголоса осаживает молодых. Веркан шагнул из тени ворот ко мне, но я качнул головой — стой, где стоишь. В дальнем вольере заорал Таран, следом взревел Хром, и по загонам покатился нервный рык. Звери чувят такое напряжение ещё раньше людей.

— Биться будем со Зверями Духа, — продолжал Артемис. — Так на моей родине решают споры чести, Рик. — Остриё качнулось на палец ниже. — Я даю тебе право, которого у бесклановых нет. Цени.

Мы оба понимали, о каком оскорблении идёт речь.

Я чувствовал себя спокойно и холодно, как перед долгой операцией.

Потянул меч из ножен — сталь вышла с сухим шелестом, и голоса позади оборвались. Отвечать словами я даже не собирался.

Опустил взгляд на Серого. Шакал уже стоял у моей ноги. Это был уже не тот щенок — он вытянулся и раздался в размерах — взрослый зверь, с Сирку ростом, поджарый и широкогрудый. Он молча следил за виверной, хвост висел спокойно, и только кончики ушей подрагивали, ловя каждый её выдох.

За грудиной знакомо потянуло — связь отозвалась. Я пустил по ней один короткий мыслеобраз.

Пламя.

По загривку Серого прошла волна. Ворс поднялся, посветлел, по нему побежал жар — воздух над головой зверя поплыл и заструился. В глубине шерсти, от ушей к затылку, рассыпью затлели искры, всё гуще и гуще.

ФХУУУМ!

Пламя разом обдало голову. Плотный ревуший ореол охватил её аж до горла — в сердцевине огонь слепил до рези в глазах, а к краям становился рыжим. Щёку припекло с трёх шагов, на моих предплечьях поднялись волоски, песок под мордой Серого потемнел и спёкся. Передние зеваки из толпы попятнулись обратно во двор — до них тоже доставало. Кто-то за спиной шёпотом помянул всех богов.

Ветка вскинулась на дыбы и распахнула крылья — тень от них накрыла чуть ли не весь тракт. Артемис поднял левую ладонь, и виверна осела, но крылья так и держала.

А сам он засмотрелся на шакала. Пальцы на рукояти меча шевельнулись и легли поудобнее — аристократ, похоже, заново пересчитывал свои шансы.

Серый вдруг коротко взвизгнул.

Пламя сорвалось клочьями и погасло в воздухе, шакала повело — задние лапы разъехались, и он рухнул на бок, зажёб когтями и забился. Толпа смолкла. Стало слышно, как потрескивает спёкшийся песок.

Что за?..

Резонанс!

Жёлтые линии нервов на шее Серого горели белым. Вторая линия — та, что тянулась от бугорка за левым ухом — вздулась и продолжала расти.

От неё во все стороны рвались свежие волокна и ветвились, как трещины по льду, быстрее, чем я успевал следить. Мышцы у основания черепа свело судорогой, они растягивались и словно перекладывались заново. Кожу над бугорком натянуло до глянца, сосуды вокруг раздуло — кровь шла туда сплошным напором, и жар в этом очаге поднимался с каждым толчком сердца.

Твою мать.

Уровень доверия с питомцем достиг второго предела.

Воткнул меч в землю и опустился рядом со зверем на колени. Серый мелко дрожал, скрёб лапами и косил на меня одним глазом — как в те дни, когда был щенком.

Я жёстко зафиксировал его голову, подсунув колено под челюсть, чтобы не откусил язык. Пальцы левой руки легли на вздувшийся бугорок за ухом. Горячо, зараза. Пульс аж за двести ударов.

Артемис опустил клинок, поглядел на бьющегося шакала и усмехнулся. Ветка сложила крылья, вторя воле хозяина.

— Вот, значит, как, — протянул он. — Я было напрягся от этого пламени, но теперь ясно, что меня ждёт лёгкая победа. Твой зверь испугался моей виверны аж до судорог. Честь Гребня будет восстановлена куда быстрее, чем я рассчитывал. Кому скажи — не поверят.

Пусть болтает. Местный дилетант видит панику слабого зверя, а я, глядя на бешеные сокращения мышц, видел терминальную стадию клеточной перестройки. То, что мы запустили, наконец-то дошло до пика, ломая старую физиологию.

А началось всё в ту ночь, когда я выставил на стол семь реагентов.

В кабинете горела одна лампа. Серый покрутился на месте и лёг у стола, но морду на лапы не опустил — следил за каждым моим движением. Шакал просто знал, что ночь особенная.

— Правильно чувствуешь, — сказал я и склонился над листами.

На столе лежали мои бумаги — переводы из подвала Жала.

Порядок Первого Порога клановцы Песка расписали дотошно, как хорошую инструкцию — очередность, счёт времени на огне и даже фазу луны для варки. Последнее меня смущало сильнее всего, пока не сообразил — старейшинам требовался всего лишь точный календарь, одинаковый для любого поколения. Ничего мистического тут не было, обычная сверка часов.

Эта самая луна как раз сегодня. Я ждал её и, что уж врать самому себе, всё время сомневался.

Хватит! Сверяемся по списку.

Хвоя северной сосны. Я зачем-то опять растёр пару игл в пальцах — смола прилипла к коже намертво. Похоже на простой растворитель, реагент для моего «коктейля».

Рядом стояла слюна лунной жабы. Я наклонил склянку к свету, и мутная жижа поползла по стеклу, как загустевший мёд. Пробку трогать не стал. Клёст так и не рассказал, где берёт своих жаб, зато честно предупредил, что эта дрянь крайне едкая.

Похоже, вместе эта пара давала едкую ферментную среду. Задача у неё простая — расщепить в отваре всё твёрдое, кость и минералы пепла, до состояния, которое возьмёт желудок. Иначе самое ценное пройдет через меня транзитом. Что не растворилось, то не усвоилось, хоть золотом корми. Клан Песков дошёл до этого в мире Раскола. Надо же.

Дальше стоял флакон с моей тёмной кровью. Я сцедил её в ночь после похорон Таниса. Свитки требовали брать её «в час перелома». Звучит как заклинание, а по сути, это гормональный слепок — адреналин и кортизол зашкалили? Собирай. Тело получает один-единственный сигнал: ты на краю, дальше некуда, меняйся. В сытости и покое ни одна тварь перестраиваться не станет — мутация у природы всегда была крайней мерой. Исключением являлся лишь Притворщик.

Корень травы умерших я выкопал на могиле того же Таниса — растение-хищник высасало соки из холма и всё до капли сложило в корень. Такие не разбирают, что тянуть — сейчас в нём сидела ударная доза чужих алкалоидов, встряска для нервной ткани, какой от огородных сборов не дождёшься.

Я повернул кувшин с пеплом Прилива на месте и проверил воск на горле — печать держала. Тут всё было понятно ещё над тем сундуком в подвале. Дым, которым старейшины дышали, впитал ужас, кровь и ярость целого Прилива, напивавал их же какой-то защитой, и объяснять себе второй раз, зачем он в рецепте, было незачем.

Мешочек с костяной стружкой Хозяина... Шип сточил её кремниевым ножом, свитки запрещали железо, и тогда я списал запрет на суеверие. Теперь думал иначе. Пробу берегли от любой грязи, потому что это шаблон — кость зверя, принявшего смерть в час высшей связи со своим кланом. Нужен идеальный образец, без крупницы грязи.

Серый поднялся, подошёл и потянулся носом к мешочку. Уши встали, бугорок за левым ухом дрогнул. Шакал смотрел на белёсую пыль сквозь ткань, не мигая.

— Чуешь своё, — отодвинул мешочек к остальному. — Потерпи, малой. Уже скоро.

Последний флакон — кровь зверя, отданная добровольно. Кровь Гривошипа. «Отданная добровольно», нашли что требовать от зверя. Но, как ни крути, и это было верным решением. Если брать силой, в пробу хлынет ужас — тот же кортизол, та же химия. На языке Песка «добровольно» значило одно. Чистота.

Я отложил последний лист и оглядел весь ряд на столе.

Никакое это не колдовство.

Это протокол запуска управляемой мутации через местную флору и фауну.

Растворитель с ферментами, гормональный сигнал бедствия, встряска для нервов, слепок чужой смерти, шаблон роста и чистая кровь связи — семь позиций, и ни одной лишней. Старейшины Песка подбирали этот состав веками, методом проб и потерь, а Система молча подсунула мне готовый итог их работы. Уважение к мёртвому клану росло у меня с каждым разобранным листом. Почему они не были в Совете?

Я поднялся, и тут меня наконец ударило осознанием риска. Во рту пересохло, под ложечкой противно засосало. Эту эволюцию придётся пройти в одиночку, и, если я где-то ошибся в переводе, узнать об этом выйдет только одним способом. На секунду представил утро, в котором меня просто не разбудят.

Так, стоп. Рано меня хоронить.

Сложил всё в плетёный короб и устроил лист с порядком процедуры сверху. После возни с Притворщиком предплечья ещё отливали синевой, но пальцы работали без дрожи. Годится, Рик.

Обратно засов поддался легче.

Двор спал. У ворот горел фонарь ночной смены, от загонов тянуло тёплым звериным духом, где-то возился и вздыхал во сне Хром — сегодня была смена близнецов. Окликать меня никто не стал — к моим поздним обходам давно привыкли.

Серый обогнал меня на пороге главного зала и потрусил прямо туда, где в темноте белели рёбра Хозяина — он выбрал место задолго до этой ночи.

Я развёл огонь в старом очаге у дальней стены зала.

Мы им ни разу не пользовались, но Арунд прочистил дымоход по моему наставлению — в хозяйстве должно работать всё, даже то, что стоит без дела. Сухие поленья взялись всего с одной лучины. Подвесил над пламенем медный котёл, на треть залил его колодезной водой и разложил на ингредиенты слева направо.

Серый улёгся на своей лежанке под рёбрами Хозяина, в трёх шагах от меня. Отсветы пламени поднимались по костям до самого свода, и скелет Хозяина то проступал из темноты, то тонул в ней.

Наконец, вода зашумела, забурилась.

Ну что... Не поминайте лихом, хех. Время сомнений прошло. В этом чёртовом городе нужно быть сильнее. А я сейчас просто муравей под ногами Корфа.

Развязал нитку на пучке хвои — рука замерла лишь на долю секунды — и высыпал иглы в кипяток. Вода зазеленела, запах смолы ударил вверх вместе с паром. Следом пошла слюна жабы. Вытащил пробку, отвернув лицо, и опрокинул склянку над котлом. Мутная жижа медленно сползала по стеклу, а когда коснулась кипятка, зал будто накрыло болотом. Завоняло тухлой водой и прелью, гниль драла горло даже сквозь рукав, глаза заслезились. Серый чихнул, поднялся, ушёл на другой конец зала и лёг там, демонстративно отвернув морду.

— Терпи, — сказал я, хмыкнув. — Мы ещё до пепла не дошли.

Пески вели счёт времени дыханием — сто спокойных вдохов на каждую ступень. Я перевёл это в удары пульса и вполголоса считал по ним. Старая привычка долгих операций — когда руки заняты, счёт помогает держать фокус.

На исходе первой сотни варево посветлело аж до самого дна. В следующую же секунду высыпал стружку Хозяина, которая тут же начала таять, как снег на тёплой ладони. Кость расходилась без остатка. Я выдохнул сквозь зубы. Пока всё правильно. Едкая пара хвои и слюны сработала — минерал растворился.

Дальше срезал воск с горла кувшина и снял крышку. Запаха у пепла почти не было — так, старый холодный дым. Зато Серый вскинул — шерсть встопорщилась, уши прижались, из груди пошло низкое рычание. Малой чуял то, на что у меня и шанса не было — перегоревший ужас и кровь чужого Прилива.

— Лежи, — велел я.

Пепел закладывал тремя долями, с перерывами. Сначала варево потемнело. Со второй доли почернело до дна и начало густеть, пузыри теперь медленно вздувались и лопались с густым чмоканием. А в конце котёл начал плевать — горячие чёрные капли летели через край и шипели на камнях очага. Одна попала мне на запястье. Я стряхнул её, отступил на шаг и дальше работал уже на вытянутой руке.

Корень травы умерших пошёл следом, целиком — резать его не нужно. Он канул в черноту с глухим бульком.

Оставалась кровь. Привязка.

Я вылил кровь Гривошипа и, не давая ей разойтись, опрокинул следом и свой. Почти чёрная жижа ушла в кипяток одним длинным глотком — буквально всосало.

И...

Кипение разом оборвалось.

Будто котёл сдёрнули с огня. Пузыри исчезли, чёрная гладь замерла и натянулась. Поленья продолжали трещать, а варево замерло — а потом, в этой тишине, оно один раз утробно ухнуло. От края до края прошла волна.

И всё свернулось.

Масса стянулась к середине, загустела и встала плотным тёмным комом. Пар сменил запах — теперь тянуло сырым железом и палёной шерстью. Как свежая рана, прижжённая калёным клинком.

На любой кухне такое вылили бы свиньям. Но отвар был готов.

Серый уже стоял рядом. Рычание стихло, нос ходил над самым котлом, бугорок за левым ухом часто пульсировал под кожей. Шакал посмотрел на меня и облизнулся.

— Ага, — сказал я, снимая котёл с огня. — Есть надо не меня, малой.

Тепло быстро уходило из массы, а принимать её полагалось вровень с теплом тела — опять пришлось считать.

Оставалось самое простое и самое страшное — выпить.

Ковш лежал рядом — я прихватил его заранее, вместе с глубокой глиняной чашей.

Плотный тёмный ком упал в чашу с сырым шлепком. Посудину сразу потянуло вниз. Я тронул стенку ладонью.

Серый смотрел на меня снизу вверх.

— Твоё здоровье, дружище.

Связь с питомцем усилена.

И я выпил эту гадость одним долгим глотком, запрокинув голову, не давая себе ни секунды на раздумья — вторая попытка всегда труднее первой.

Масса горячим комом пошла по горлу. Вкус оказался хуже всего, что я пробовал за обе жизни — концентрированная горечь, ржавое железо и тяжёлая кладбищенская земля. Гортань обожгло, как кипятком, глаза мгновенно налились слезами. Желудок спазмировалось, и он дёрнулся, пробуя вытолкнуть эту дрянь обратно, но я зажал рот и добавил остаток внутрь. Сглотнул несколько раз, удержал и постоял несколько секунд, упираясь свободной рукой в колено. Горло горело, по подбородку тянулась склизкая нитка, во рту стоял вкус могилы.

И ничего.

Серый переступил лапами и громок тьякнул. Секунды шли одна за другой, я прислушивался к внутренним ощущениям и не вообще ничего не чувствовал, кроме ожога в глотке. Неужели ошибся? Перепутал что-то в переводе и...

ЧЁРТ!

Из желудка во все стороны рванула такая концентрированная волна жара, будто внутри меня вскрыли печную заслонку. Волна прошла грудь, ударила в макушку, скатилась до пяток и, не давая продыху, пустила за собой вторую.

КХ-ХА!

Весь воздух непроизвольно вышел из лёгких. Сердце сорвалось в галоп — оно колотилось так часто и болезненно, что каждый удар отдавался в зубах и в кончиках пальцев. Я слышал собственный пульс ушами, кровь разгонялась по венам, растаскивая чужеродную дрянь по телу, и там, куда она доходила, кожа вспыхивала изнутри — предплечья, бедра, шея, лицо. Всё тело разом покрыло потом.

Пальцы правой руки ослабели.

Чаша грохнулась на каменный пол. Я тупо смотрел на свою пустую ладонь и не мог заставить её сжаться.

Это было не всё.

Пол мягко качнулся и поплыл вбок. Вестибулярка сдалась — жар добрался до внутреннего уха. Меня всерьёз повело, колени начали подламываться, и ничего не понимающее тело уже выбрало за меня самый простой выход. Лечь. Свернуться на холодном камне и ждать.

Нет.

Хрен тебе! Стоим!

Я жёстко, до упора, выпрямил ноги и замкнул коленные суставы — старый приём часовых и хирургов. Ноги превратились в подпорки.

Стиснул зубы до хруста в челюсти. Дыши носом. Медленно. Вдох на четыре, выдох на шесть — как делал с Карой на скале, когда она запаниковала. Пульс я не контролирую, но дыхание-то могу!

Пол всё качался, но я стоял.

В каждой волне жара тело орало.

Падай... падай... ПАДАЙ! ТАК ЖЕ ЛЕГЧЕ!

Может, и легче. Только я слишком хорошо знал, что лежачего накрывает с головой. А мне нельзя терять сознание. Или всё будет зря. Жертва Таниса зря.

— Стоим... — просипел я в пустой зал. Собственный голос донёсся издалека, сквозь гул крови в ушах. — Стоим, Рик. Это всего лишь химия. Ты знаешь, что она делает. Работай.

И я работал. Вдох, выход. Волна. Держать колени. Вдох, выдох. Пот заливал глаза, стекал по хребту и капал с подбородка на камень. Икры свело. Где-то на границе зрения темнело и наплывало, я мотал головой — и чернота отступала, но огрызалась.

Сквозь мутную пелену проступал Серый. Шакал выпрямил спину и смотрел на меня жёлтыми немигающими глазами — как на охоте, когда ждал команды.

Верит в меня, даже не скулит.

Нельзя сдаваться.

Уже сбился со счёта этих волн жара. Сосуды не выдержали напора — из носа на губу поползла кровь. Плевать. Тело сбрасывает лишнее давление, само, как умеет.

А потом сквозь жар проступило что-то новое.

Глубоко в груди — там, где всё это время теплилась моя со Зверем Духа связь — что-то провернулось. Словно ключ в замке, который никто не открывал тысячелетия.

Сначала погасло зрение.

Даже не понял, открыты у меня глаза или уже нет. Опустил веки — разницы никакой. Следом вырубился слух. Пропал треск очага, потом гул собственной крови, а следом и дыхание. Я остался наедине с собственным телом.

Первая мысль была просто и очень человеческой.

Я ослеп.

Но оба канала отрубились одновременно, без всякой боли — при настоящей слепоте так не бывает. Похоже, моё дело стоять и не мешать собственному организму.

Пульс в висках понемногу стихал. Жар перестал ходить волнами. Он уходил из кожи в мышцы, а затем и ещё глубже, пока не улёгся в самих костях.

Сколько это длилось — не знаю. Может минуту, только проверить это было невозможно, я наверняка сбился.

Потом впервые глубоко и спокойно вдохнул. Что это?

Рёбра вдруг разошлись шире привычного, воздух всё шёл и шёл, и сложилось впечатление, что мои лёгкие расширились.

Теперь моторика. Я послал приказ в правую кисть и плавно согнул пальцы — от мизинца к большому. Слышится! Только отклик стал каким-то другим. Между приказом и мышцей всю жизнь живёт крошечный зазор — его не замечаешь, пока он есть. Вот только теперь пальцы шли вместе с мыслью. Я будто всю жизнь работал в толстых перчатках, а этой ночью их с меня сняли.

Пол подо мной больше не плыл — чувствовал его всей ступнёй.

Наконец-то. Эволюция пройдена. Тело завершило сборку.

Я стоял в крошечной черноте и ухмылялся во весь рот. Получилось.

Первый Порог пройден.

Первым вернулся слух. Треск очага. Шорох сквозняка. Собственное, пока незнакомое, дыхание.

А потом из глотки Серого раздался новый незнакомый звук. Голос своего шакала я знал наизусть, во всех оттенках, от щенячьего скулежа до охотничьего рыка над добычей!

Но этот зов я слышал впервые в жизни.

Открыл глаза. Свет догорающих углей резанул по глазам, смотреть пришлось сквозь ресницы.

Я повернул голову на зов.

Малой ждал меня и стоял всё там же.

Весь мой хваленый дыхательный запас моментально вышел из лёгких.

Что тут сказать...

Я перевидал столько зверья, что удивить меня почти невозможно. Но сейчас у меня пересохло во рту от восторга.

Ох ты ж...

Для Зверя Духа, который взвыл, во всём моём запасе нашлось одно-единственное слово.

И я произнёс его вслух.

— Охренеть.

Уважаемые читатели! Всем привет, на связи автор. Пятый том будет выходить по старому графику понедельник-среда-пятница по ряду причин. В ноябре я планирую запускать еще один цикл, совершенно другую историю, это раз. Два — Серия укротитель продлевается до 12 томов, а это много работы с планом, персонажами и т.д. В связи с удвоившейся нагрузкой, было принято решение не выгореть и писать в старом графике. Обещаю, если запас текста будет большой, я буду ускорять выкладку. Заранее вам спасибо за понимание. Все новости, арты, музыка, планы, а также возможность пообщаться с автором в чате — в tg канале: <https://t.me/nickolayskiba>